

ВРУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМЕНИ А. БЕЛОГО

Ежегодная литературная премия имени Андрея Белого за 1985 год присуждена:

по прозе - ЛЕОНУ ВОГДАНОВУ -

за роман "Заметки о чашитии и-симетрических", позволяющий европейскому уху услышать "в музыке флейты земли - звучание флейты неба";

по поэзии - АЛЕКСЕЮ ПАВЛОВУ -

за метрически и убедительный труд по расширению возможностей поэтического языка, за поэму "Я был на поле ПОЛТАВСКОГО БИТВА", возвращающую восприятие и мысль читателя в поле подлинного чтения;

по критике - ВЛАДИМИРУ ГРИН /ГОРЬКОМУ/ -

за многолетнее беззаветное служение ТЕКСТУ и АВТОРУ, за неукоснительную строгость в борьбе с латентно-чуждым произволом, за участие в издании сборника "ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АРОНОВА".

26 апреля 1986 года, ЛЕРИ

Премии были вручены 26 апреля и 31 мая в КАЗББ-84. С приветственными речами выступили А. Драгомощенко, В. Яманов, В. Останин и другие. С ответным словом - юные лауреаты. Некоторые из речей публикуются ниже.

В ПОЛЕ СЛОВА

/несколько выходящей по поводу
награждения Алексея Парщикова
премией им. Андрея Белого/

1

Траза, случайно усиленная мной несколько лет назад и с тех пор не оставляющая сознания, едва ли представляет из себя удачное начало слащавых соображений о поэзии, которыми я хотел бы поделиться.

И тем не менее ее магическая сила настолько велика, что во восторженном удивлении, я начинаю писать с нее:

"В Ленинграде живут стихи сто тысяч человек."

Так гласит статистика, дисциплина, как известно, всесильна и необъятна, антитеза, когда дело касается стихийных явлений. Но даже, если допустить, что стихи живут не только в этом городе (и в чем у меня есть все основания сомневаться), то даже и в этом случае даже воображение, включающее в изумительный водоворот страстей, надежд, восторгов, маний, катастроф и отчаяний, влагает в простительную слабость.

Тема эта отнюдь не нова.

И вновь охотно предлагает тотчас обратить ее привычные пределы, точнее определять в языке то, что покуда было лишь неясно большим количеством, и потому, следуя ей, и в нескольких словах попытаться описать основное течение, образующее свой водоворот в семантических силах неопределимости.

- а) десанно-прикладные конотрукции, чьи устойчивые словарные разновидности, упрямые хорошо знакомыми орнаментами, успешно используются удачными рекламными агентами соборно новизнаторской топикей: "матушка зима/душа/простота/купала/сокровища (в основном фидуриальны)", "край легенд и сказаний", "храмовое подчество" (сюжет наиболее обильный томиными импликациями), "календарные к-ры на семи колес" либо "машинные п родых Ланка" и т.д.
- б) лирические образования, свойственные юным красота, чистота, сладость взора, неизменный аскренность-и близость корням ни в коей мере не-сокрывает, поспрамя тем самым Мартин Хардотера, сильных истоков, а говоря попросту — порыва победиться "накипевшим-наболелым" по чисте Гармония, Котыны, Красоты (сообразно, разумеется, пониманию), и чье устройство, не обманывая ожидания читателей, вполне напоминают фальшивые алмазвенские часы, на которых-рачительной кхотью вымалывано сакраментальное "всегда".
- г) непритязательные стихи просто о-Боге, о своих-и никому-чувствах, но так же в связи с этим и о чувствах и себе.
- д) всевозможные метафизические построения, -довлеющие тайны, в являх кострах которых горят нестерпаемые авторы,
- е) произведения, являющие с первой строки разума.
- ж) произведения, которых никто не читал.
- з) произведения, -которые еще пишутся.
- и) произведения с горьким сарказмом бичующие песенер-шенство первых.

Можно было бы показать кое-что и критике, занимающейся анализом этих явлений, когда бы не-очевидное понимание, что пророгачки тут принадлежат иным дисциплинам: социальной социологии, этиологии и пр.

Без всякого сомнения наша таксономия, позаимствованная принципами классификации у известного писателя, незыбкая на-
длом универсальность, исчерпает этот бьющийся поток не в со-
стоянии, хотя очевидно тяготеет к нему в неформальности (да
простится мне некорректное введение данного термина).

Поток, чья течення — о горе, заглядевшись! — манит
бесправдой голубой мечтой самосознания, уходит под за-
вораживающую сеть струй, притягивая умиленный взор своим
как бы непреодолимым величием природы.

Природы, скажем, от начала и до конца фальшивой.

Но попадая под власть кося, мы неуслышно, поначалу с
векими оговорками, а по истечению срока уже не обмануясь, при-
выкаемся со всеобщим упреком судить и рядить, сравнивать,
отдавать предпочтение, негодовать, восхищаться, различать
то, что по сути своей неравномерно изначально, ибо фактически, —

не отдавая отчета в том, что, несомненно эти классы,
давно перестали быть "домом и пчелой"; все памяти и возбу-
ждения затерянные в непрестанно клоняруемой системе подобию,
претендующей на объяснение мира.

К счастью иногда случаются события, которым удается
прервать континуум утопии, всегда расцветавшей на чудесном
и розном пространстве, не имея — по словам И. Луко — реаль-
ного места; континуум цветет функций, порождающего подчас
сложноукладывающиеся химеры в виде идей всеобщего благоден-
ствия либо такого же языка... однако и в иных видах, напоми-
нающих все как один невыносимый холод папи Марло.

Эти события, возвращающие нас к реальности, несут
прорывающую размалеванную холостину иллюзий, а в названии посе-
ей.

Поэзия состоит из слов. Поэзия это язык. Язык в экстре-
мальной ситуации, срывающий все грани безопасности и выво-
дящий нас к бытию, запертому в нем.

Постыгающий нас, непрестанно ускользающий в бортах, су-
щия, но стоит лишь погнаться искусственно "постыгнуть" его —
как мертв и ужасает, вновь становясь бесконечным лабиринтом
веркальных богов.

И говоря о событиях, точнее, об одном из таких, — мне вспоминается, как это разворачивалось во времени, начавшись год назад чтением Алексея Нарцискова, продолжаясь публикация его поэмы, обсуждением, новой встречей с его стихами — пользуюсь случаем принести благодарность нашим "домашним" издателям — чтобы в итоге завершиться встречей в этих стенах и моей речью.

Тем не менее, в этой слишком условной хенте происходящего всё возможно углядеть нечто иное, нежели только последовательный ряд совпадений, чей порядок, бесспорно, выгодно вообразить как проявление некоего умысла. Скорее, да; ибо ни одно из них не тяготело бы друг к другу, когда бы не одно обстоятельство, которое — а я в этом уверен — собрало нас здесь. Не новоски практического, не влечение к сиюминутной сомнительной сладости очередного пира бессодержательного и распущенного мышления, но — желание воздать почести поэзии, а затем поэту. И в чем нетрудно усмотреть желание того, что условлено называть лживым надеждой.

Я прошу простить мне слишком высокий тон, оправдание которому можно найти лишь в серьезности самого предмета.

Надежды на то, что человек не предпринимает окончательного в его маньяка — фигуру столь удобную в "социальных играх", не стал до конца кулой у корита сентиментального переживания и самооправдания, устройством, движимым исключительно чувством собственной безопасности — такова внешне никчемная схема удовольствия... Надежды на то, что в человеке не погребено божественное живое качество — Восприятие, позволяющее ему в мгновения Памяти и Предвосхищения (этих двух — живых познаний) проживать мучительное наслаждение творчества то есть познания, одновременного создания мира и себя в нем, себя в другом... в постоянстве разума.

"Именно ответа другого я ищу в речи. Именно мой вопрос конституирует меня как субъекта." — Говорит как Лакан.

Эти, упоминаемые неумеренным пафосом слова, может показаться, произнесены, чтобы смолотить слух некими глубоко скрытыми смыслами. Уни — все смыслы в деятельности поэта.

Но поэзия...

Стоит ли, право, задаваться вопросом, что она такое, как если не слова расположенные в порядке, позволяющем им давать значения, избегать запяток, унаследовать косную фразу сферы понятий, неведомо по какой причине предложенных нами им веки-вечные в качестве непреходящих истин.

Повторяю: на этих событиях, или — этим событием, превращаем потенциалное бытие языка в его настоящее присутствие себя и мира, и нас в мире, событием изводящим из статика словарного существования постоянное со-бытие — процесс — является поэзия.

Процесс, содержащий свое начало повсюду, движущая сила которого — воля и желание. Воля подчинить желание воображению и не дать раствориться бесследно в сонне языка, куда влечет нас никогда не бывавшая себя страсть опередить сам язык, высказываемое, опередить как невозможность с ним совпасть; — а воля сказать, осознать, определить энергию, возникающую в результате расщепления косной материи, дать ей русло. Невозможно!

В этом постоянном отречении от себя самой — ее становление, ее такое.

Только тогда отнимается нам мир и слух становится зрением, а зрение слухом.

Рассуждать можно долго.

Важно следующее: действительно ли-обо всем этом — может спросить посухий критик — говорится в стихах Алексея Парщикова. Так ли это в самом деле? А вот: что это такое? Что это за образ? Зачем все эти несуществующие, никогда не существовавшие миры?..

Что неизбежно столбует нас к тому, в чем только-что говорилось.

К этому, впрочем, надо добавить: еще одним качеством поэзии-Алексея Парщикова является то, что обычно называется импульсом непонимания, к которому должно вызвать во мне-читателе желание-обретения текста наравне-с желанием слушания эту, т.е. — созидания в поле возможностей, которым он дается мне для своего продолжения. Вот в чем смысл фразы Лотреамона —

в будущем стихи будут писать все.

Возможно я устался и выжидательно мной мучил, припадая скорее "времени", чем мне, не возмездия должного действия, недостаточно точно или вовсе не сыгравли свидетельствуют роль речи, коей должен представляться лауреат. И все же, каковы бы они ни были, мысли эти не случайны и многим обязаны размышлениям о стихах награжденного сегодня поэта.

Эта работа, истинно стремившаяся к сравнению с текстовыми процессами, кипящая собою семантики, прямых имен, поразительных, ослепительная обвалами случая и раскатами эха, уже провидит в себе восхитительные крупницы общечеловечности, дрожащей уникальности дыхания.

И, если мои ссобрания достигли известной степени разумительности, тогда остается лишь выразить благодарность автору и собравшимся здесь воздать посильный долг поэзии, делу одинаково как бессмысленному так и разумному. вполне, в котором я могу пожелать Алексею Парцикову — одного: умножения и без того неисчислимых ее миров.

Б.Иванов

СЛУЖЕНИЕ ТЕКСТУ

В присуждении премии Андрея Белого Владимиру Эрлю есть неизбежность. Вообще премия выражает признательность людям, которые сумели внести существенный вклад в развитие культурного движения. Но свою собственную значимость культурное движение осознавало в большой степени через деятельность подобной той, которой занимался в течение многих лет Эрль. Ему предстояло стать человеком легендарным, ибо стоит представить быт, настрояния, обеспречеченность неофициального человека, чтобы понять всю вызывающую странность его труда. Представьте себе на берегу Обводного канала рыбака, который со всей серьезностью насаживает на крючок наживку, забрасывает удочку и терпеливо ждет... И вытаскивает — старый башмак или размокшую палку... и улов этот тщательно упаковывает.

Казалось, к литературному потоку неофициальщины совершенно невозможно приложить критерии нормальной литературной науки и ее правил. Но Эрль выбрал эту литературу, а в науке то, что представляется в ней наиболее скучным и нудным — текстологию и библиографию. Нет, труды Владимира Эрля этим не ограничились: но славу и легенду создали они. Он увидел культурное движение, как движение / жизнь / текстов, подверженных гибели, искажению, злоупотреблению, то есть, — тексты утрачивали свою ценность, если не противостоять энтропии случая и небрежности. Владимира Эрля стали бояться собирали и публикаторы текстов / от машинисток до редакторов / , но у него и учились добросовестности, тщательности, культуре.

"Неофициальный текстолог" или — "текстолог неофициальной литературы" — не правда ли, и сейчас выражение звучит странно, хотя можно с уверенностью говорить, что "вторая литературная действительность" сегодня не страдает комплексом неполноценности. Всё стало на свои места. Владимир Эрль помог этот комплекс изжить многим.

...

Факт присуждения мне премии им. Андрея Белого вызывает у меня немалое недоумение.

Двадцать три года я пишу стихи и написал их свыше четырехсот; почти столько же времени я пишу и прозу, которой написано тоже немало. Не мне оценивать свои сочинения, — впрочем, я считаю, некоторые (по крайней мере!) из них многие из ныне здравствующих литераторов не дадут и не будут давать спокойно спать.

С первых же своих литературных шагов я начал и, так сказать, исследовательскую работу: собирание, редактирование и т.п. чужих произведений. Работал я примерно с полусотней (это как минимум) авторов, — от незначительных соприснобавной с некоторыми современниками до нескольких (более десяти) подготовленных к печати Собраний произведений (в том числе и своего собственного). К настоящему времени мной написано сотни страниц примечаний, статей и малых заметок.

Таким образом, я одновременно и поэт, и прозаик, и критик, и редактор, и комментатор, и, наконец, текстолог.

Вернемся, однако, к моему недоумению.

Названная выше премия присуждена мне как текстологу. Не берусь судить, какая из областей моей литературной деятельности наиболее важна, — со стороны виднее... Замечу только, что премируемая область должна быть наиболее противна тем, кто ее же премирует (всем хорошо известна деятельность "фалшивиков", не умеющих даже правильно прокумеровать листы своего органа!); с другой стороны, эта моя деятельность наименее известна, — точнее сказать, известна, скорее, помаленьку (три вышедших тома Хармса да предполагаемое — верно-предполагаемое! — участие в двухтомном собрании Звездного). Практически известно, пожалуй, только одно из последних изданий: сборник "Памяти Леонида Аронсона". Это-о: названная премия присуждается мне, можно сказать, как легендарной личности, что я, таковой на самом деле являясь, снисходительно одобряю.

Забавно так же, что премия им. Андрея Белого присуждается тектологу (подчеркнуто мною, - В.З.). Здесь я вижу Хеленкутычский перст судьбы, который яростно приветствую. В связи с этим я хотел бы привести две замечательные цитаты, которыми я и закончу свое выступление:

"В популяционной генетике термин "эпистаз" используется в более широком смысле для всех неаллельных взаимодействий между генами разных локусов. Примерами проявления эпистаза могут служить скрещивания кур доминантной и рецессивной окраски, а также скрещивания лошадей серой и рыжей масти. В результате эпистаза во второй генерации наблюдаются другие классы расщепления вместо типичных для диссортного расщепления 9:3:3:1" (Савертиев В.П., Краткий словарь-селекционно-генетических терминов и животноводстве. М: Россельхозиздат, 1968, с.106. - Курсив мой, - В.З.).

"Тератология - наука, изучающая уродства. Тератология животных исследует отклонения от нормального типа организма, обусловленные главным образом нарушениями зародышевого развития. Современная тератология исследует причины и механизмы возникновения наследственных и ненаследственных врожденных патологических состояний и пороков развития. Ее основная задача - предотвращение появления у животных врожденных пороков развития" (Там же, с. 94).

Спасибо за внимание. Где расписаться?